
Его версия...
Её версия...
И правда?
ВЕРСИЯ
психологический детектив

Varpunen

ВЕРСИЯ

«Автор»
2026

Varpunen

ВЕРСИЯ / Varpunen — «Автор», 2026

В Ольховске убийцу, кажется, нашли ещё до того, как разобрались, что случилось с Елизаветой Морозовой. У Максима Булкова есть судимость, вспыльчивый характер и причина избегать вопросов. Накануне гибели девушки они поссорились, а вскоре Максим исчез. Всё складывается в убедительную версию — слишком убедительную.Молодая сотрудница уголовного розыска Анна Миронова замечает мелочь, которую никто не посчитал важной. За ней обнаруживается другое несовпадение. Чем ближе Анна к правде, тем труднее ей понять, кому можно доверять — свидетелям, собственным выводам или человеку, который научил её расследовать преступления.«Версия» — психологический детектив о том, как легко принять предположение за доказательство и какую цену приходится платить, когда правда наконец выходит наружу.

© Varpunen, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Тихий город 5
Глава вторая. Тень прошлого 13
Глава третья. Беглец 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Varpunen
ВЕРСИЯ

Глава первая. Тихий город

Дверь в квартиру Елизаветы Морозовой оказалась не заперта. Потом Валентина Павловна будет возвращаться к этому обстоятельству чаще, чем к любым словам соседей: она сама учила дочь проверять замок дважды, даже если выходишь на пять минут.

Ольховск привык объяснять чужие поступки без свидетелей. У магазина знали, кто с кем поссорился, на автостанции — кто купил билет, во дворах — чья машина ночевала не на своём месте. Но возле Лесной улицы каждую ночь проезжали десятки автомобилей. А кто поднимался на четвёртый этаж, снаружи не было видно.

Валентина Павловна Морозова поднялась на четвёртый этаж без остановки, хотя обычно переводила дыхание между вторым и третьим. На площадке пахло варёной капустой и сырой штукатуркой. Лампочка над квартирой дочери мигала: загорится, погаснет, снова загорится. Валентина Павловна подумала, что надо попросить Лизу позвонить в управляющую компанию, и тут же разозлилась на себя. Она пришла не ради лампочки.

Дочь не отвечала со вчерашнего вечера. В половине десятого Валентина Павловна отправила сообщение: «Доехала? Позвони, как сможешь». Под «доехала» подразумевалась не поездка куда-то далеко, а короткая дорога с работы домой. Она сама не знала, зачем написала именно так. В одиннадцать набрала номер; телефон звонил долго, пока механический женский голос не сообщил, что абонент не отвечает. Утром стало хуже: последнее сообщение по-прежнему оставалось непрочитанным.

У дочери было привычное, почти раздражающее правило — отвечать матери хотя бы одним словом. «Потом». «Занята». «Жива». Последнее Валентина Павловна ненавидела и просила так не шутить. Сегодня она поймала себя на том, что согласилась бы и на него.

Запасной ключ не понадобился: дверь подалась внутрь с первого прикосновения. От этого стало не легче, а тревожнее.

— Лиз?

У стены темнела обувь — на мгновение показалось, что мужские ботинки. Но это были Лизины чёрные полусапожки, один стоял боком. На крючке висело лёгкое пальто, слишком тонкое для октябрьских утренников. С кухни пахло остывшим чаем. На столе стояли две кружки, одна пустая, другая с тёмным ободком на стенке.

— Лиза, это мама.

Валентина Павловна сделала несколько шагов и увидела дочь у дивана, на полу между журнальным столиком и окном. Сначала она не поняла, что видит. Подумала, что Лиза упала в обморок, что сейчас нужно подложить что-нибудь под голову, открыть форточку. Потом увидела неестественное положение руки и маленькое тёмное пятно у волос.

В памяти остался не её собственный крик, а странная мелочь: с подоконника свисал листок фикуса, и на нём дрожала капля воды. Лиза поливала цветы по средам. Сегодня был четверг.

Она не помнила, как достала телефон. Помнила, что трижды называла диспетчеру номер дома, а тот каждый раз переспрашивал квартиру. «Четвёртый этаж», — повторяла она, словно этаж и был самым важным. Потом села рядом с дочерью на ковёр и просила её не пугать маму. Когда в дверь постучали, Валентина Павловна всё ещё говорила с Лизой.

* * *

Когда приехала полиция, двор уже наполнялся людьми. Дворник поставил метлу у урны и так и не вернулся за ней. Две женщины из соседнего подъезда стояли под одним зонтом и говорили шёпотом, который был слышен даже у дороги. У школьного автобуса задержали отправление: водитель пытался объяснить детям, почему нельзя подходить к служебным машинам.

Анна Миронова вышла из автомобиля, застегнула куртку и машинально посмотрела на окна. В большинстве квартир ещё горел свет. На четвёртом этаже, за выцветшей занавеской, кто-то осторожно отодвинул ткань и тотчас отпустил.

Анна работала в уголовном розыске второй год, но Ольховск знала всего три месяца. После областного управления город казался ей тесным: знакомые лица в аптеке, тот же продавец на заправке, один и тот же инспектор на всех фотографиях с городских праздников. Здесь было трудно остаться незамеченным. Зато исчезнуть, как ей говорили, было почти невозможно.

В подъезде её встретил участковый Глеб Сафонов, краснолицый мужчина, обычно неторопливый, а теперь непривычно собранный.

Пока они поднимались, Сафонов негромко сообщил о вызове скорой в 06:52, обнаруженной незапертой двери и смерти, которую врачи уже констатировали. Кого-то из соседей успели записать как свидетелей; сами они ещё путались в том, что видели, а что слышали от других. На предположение о насильственной смерти Глеб не стал настаивать: специалист продолжал осмотр.

На площадке сидела Валентина Павловна. Рядом с ней присела женщина в халате и пуховой кофте; она держала стакан воды так, словно не знала, кому его передать. Мать погибшей смотрела на закрытую дверь своей дочери. Когда Анна поздоровалась, та безошибочно определила, кто перед ней.

— Вы из полиции? — спросила она. — Мне туда можно?

— Сейчас там работают специалисты. Я понимаю, что вам тяжело. Мы постараемся закончить необходимые действия как можно быстрее.

— У неё окна на ночь открыты, — сказала Валентина Павловна. — Она простужается, а всё равно открывает. Вы потом закройте.

Анна кивнула. Ответить что-то другое она не смогла.

В квартире было слишком обыкновенно для того, что здесь произошло. Мокрое полотенце на спинке стула. Квитанция из магазина, прижатая солонкой. Полураскрытая книга возле дивана. На тумбе — плотный конверт с синим фирменным словом «Север»: совсем обычная рабочая почта среди домашних вещей. На экране телевизора отражались фигуры людей в перчатках и бахилах. Специалист фотографировал обстановку; врач осторожно пояснял, что окончательные выводы можно будет сделать лишь после исследования.

Обычно в подобных комнатах Анна сперва замечала то, что нарушено: перевёрнутый стул, раскрытый ящик, разбитое стекло. Здесь глаз цеплялся за другое. Возле книжной полки лежали две закладки из плотной бумаги; на одной неровным почерком было написано «прочитать в дороге». На подоконнике стояла маленькая банка с отростком фикуса, над которой кто-то наклеил бумажку с датой. Елизавета собиралась вырастить новый цветок из старого, хотя для этого годами не требовалось ничего, кроме воды и терпения.

Сотрудник осмотра попросил Анну отойти от низкого столика. Он стоял под углом к дивану, и специалист снимал его положение вместе с краем ковра и полкой у стены. Анна не знала, был ли столик сдвинут во время случившегося: её собственный журнальный столик дома тоже никогда не стоял ровно. Фотографии фиксировали положение предметов, но не движение, которое к нему привело. В какой-то момент захотелось, чтобы вещи сами указали, где искать ответ. Она мысленно одёрнула себя и сделала пометку о взаимном расположении мебели.

На внутренней стороне обложки книги Елизавета карандашом обвела незнакомое слово и приписала рядом значение. Анна прочитала его дважды, прежде чем поняла, что это не шифр

и не намёк на преступление. Просто девушка готовилась к занятиям, которые ещё не начались. Анна закрыла книгу, не меняя её положения, и попросила специалиста снять страницу. Она пока не умела объяснить, почему такая мелочь оказалась важнее чужих разговоров у подъезда.

Анна остановилась у порога комнаты. Девушка лежала там, где её увидела мать. На ней были домашние брюки и серый свитер, один рукав которого слегка закатался. Лицо казалось удивительно молодым. Умершим всегда приписывали выражение покоя, но Анна не увидела покоя. Только невозможность что-либо спросить.

— Елизавета Морозова, тысяча девятьсот... — начал Сафонов, сверяясь с записью.

— Двадцать пять лет, — тихо сказала Анна. Она уже прочитала возраст в первичном сообщении.

На кухне звякнул пакет для вещественных доказательств. Анна невольно обернулась. Ей показалось неприличным, что обычные рабочие звуки продолжаются, пока мать сидит за дверью и просит закрыть окно.

* * *

Виктор Андреевич Соколов приехал без сирены. Он всегда так делал, если считал, что лишние пять минут ничего не изменят. Серый автомобиль остановился в стороне от полицейских машин. Виктор вышел, обменялся несколькими словами с сотрудником у подъезда и только потом направился внутрь.

Ему было пятьдесят два. Седина у висков делала его старше, но двигался он легко, без спешки и без суетливой осторожности людей, которые боятся показаться слабыми. В отделе любили говорить, что Соколов сначала слушает, а потом открывает папку. Это было преувеличением, но не слишком большим.

Несколько лет назад он добился пересмотра дела, в котором сам когда-то считал верной первоначальную версию. После этого случая молодые следователи приводили его в пример друг другу, а Виктор раздражался, когда об этом вспоминали. «Ошибку исправил — не медаль получил», — говорил он.

Анна впервые встретила его месяц назад на совещании. Он не перебивал докладчиков, не стучал ручкой по столу и задавал вопросы, после которых людям приходилось заново перечитывать собственные материалы. Ей нравилось работать рядом с человеком, которому не требовалось изображать непогрешимость. Она не замечала, как быстро такая репутация становится привычкой других людей верить ему раньше, чем собственным сомнениям.

На лестнице Виктор остановился возле Валентины Павловны, представился и опустился перед ней на корточки, чтобы не разговаривать сверху вниз.

— Я буду заниматься делом вашей дочери, — сказал он. — Сейчас задам только один вопрос. Если не сможете ответить, вернёмся к нему позже.

Женщина едва заметно кивнула.

— Елизавета жила одна?

— Да. Раньше с Максимом... То есть нет, не жили они вместе. Он оставался иногда. — Она посмотрела на свои руки. — Я не знаю, как правильно.

— Как помните, так и говорите. Нам не нужны правильные слова.

Она впервые подняла на него глаза.

— Найдите того, кто это сделал.

— Мы проверим всё, что потребуется, — ответил Виктор. И не обещал большего.

В квартире он задержался у входа, позволяя глазам привыкнуть к свету. Попросил кратко изложить, что известно, посмотрел фотографии до перемещения предметов, уточнил, какие вещи уже изъяты, а какие ещё нет. Не высказал вслух ни одной догадки о том, кто мог быть здесь ночью.

— Замок? — спросил он.

— Видимых повреждений нет, — ответила Анна. — Мать говорит, дверь была не заперта.

— Значит, сама открыла знакомому, — заметил Сафонов.

— Этого мы ещё не знаем, — отрезал Виктор. Сухость его голоса заставила участкового выпрямиться. Соколов выдержал короткую паузу и добавил уже мягче: — Не хотелось бы, чтобы наши выводы появлялись раньше протоколов.

Анна впервые за утро услышала в его голосе раздражение. Не громкое, но точное: как щелчок выключателя. Соколов тут же вернулся к осмотру, поправил съехавший край схемы на столе и заговорил прежним спокойным тоном.

— Значит, выясняем, кто имел ключ и кто мог войти добровольно. И не забываем о случайных обстоятельствах. Одно другому не мешает.

Он обратил внимание на две кружки. Спросил, сфотографированы ли они и установлено ли, когда в последний раз пользовались посудой. Анна отметила вопрос — не потому, что он был неожиданным, а потому, что она сама успела принять вторую кружку за доказательство ночного гостя. Виктор пока ничего подобного не утверждал.

Из комнаты донёсся короткий металлический щелчок фотоаппарата. Соколов посмотрел в ту сторону и сказал:

— Сначала опишем то, что есть. Объяснять будем потом.

Эту фразу Анна записала на полях блокнота, хотя в протокол она, конечно, не относилась.

Виктор распорядился сохранить исходные записи с камер и подробно описать обстановку. Анна отметила это поручение рядом с вопросами о замке и посуде. Ей нравилась его привычка начинать с того, что можно проверить.

* * *

К девяти утра во дворе появились первые люди, которым было совершенно нечего здесь делать. Мужчина в спортивном костюме трижды проходил мимо подъезда, каждый раз замедляя шаг. Две школьницы фотографировали служебную машину, пока полицейский не попросил убрать телефоны. В местном чате уже написали, что девушка «зарезана», затем — что «задушена», а ещё через десять минут неизвестный уверенно сообщил, будто убийцу взяли прямо в квартире.

Ни одно из этих сообщений не соответствовало тому, что знала полиция.

Нину Романовну Белову, соседку с третьего этажа, застали на кухне. Женщина говорила охотно, но сбивалась, едва Анна просила назвать время. В чашке остывал кофе; на телевизоре без звука бежала строка новостей.

— Ссорились они. Он парень вспыльчивый, этот Максим Булков. То цветы принесёт, то дверью хлопнет, — сказала Белова. — Вчера после семи слышала Лизу. Она кричала, чтобы мужчина ушёл. Дверь потом стукнула.

Анна попросила не называть человека по привычке, если она не узнала голос. Белова поморщилась: стены тонкие, но не настолько, чтобы различать каждого говорящего. Она знала о ссорах пары и уже сложила услышанное в знакомую историю.

— А позднее что-нибудь слышали?

— Будто стул уронили. Когда сериал начинался. Я тогда телевизор прибавила. Думала подняться, да решила: опять поссорились, завтра помирятся. — Белова обхватила чашку ладонями. — Только я ведь даже не знаю, был ли там кто-нибудь.

Анна записала: ссора после семи, хлопок двери, позднее — одиночный неясный шум. Не указала ни точного часа второго звука, ни человека, который мог его вызвать. Сначала она по привычке написала «ссора с Булковым», но зачеркнула фамилию: свидетельница не могла её подтвердить. Белова следила за ручкой Анны, словно это зачеркивание могло отменить и её собственное утреннее чувство вины.

* * *

Валентина Павловна не хотела ехать домой. Сафонов предложил ей посидеть в служебной машине, где было теплее; она отказалась, потому что оттуда не было видно окон дочери. Тогда ей принесли стул из конторы дворника, и она села возле клумбы, в которой доцветали мокрые бархатцы.

Анна подошла с двумя бумажными стаканчиками чая. Один протянула женщине, второй оставила себе. Чай был слишком сладким и пах дешёвым лимоном.

— Вы говорили, что Лиза хотела что-то изменить? — осторожно спросила Анна.

Валентина Павловна посмотрела на неё с подозрением.

— Я говорила, что она устала. Это не одно и то же.

— Простите. Я неправильно запомнила.

— Она хотела уехать, — неожиданно сказала мать. — Не навсегда. Может, на год. Курсы нашла в областном центре. Говорила: «Мам, тут всё за меня уже решили, а я ещё и не начинала». — Женщина прижала стаканчик к коленям. — Я всё просила подождать. Думала, она от меня бежит.

— А сейчас как думаете?

— Сейчас я думаю, что надо было помочь ей собрать чемодан.

Валентина Павловна достала телефон. Долго искала нужную фотографию среди снимков кошки, ценников и деревьев у дачного забора. Наконец повернула экран к Анне. На листке в клетку, приколотом магнитом к холодильнику, было написано: «Курсы», «Катя — комната», «Резюме», «Куртка», «Не передумать». Последние два слова Лиза обвела дважды.

— Она списки любила. Даже в магазин без списка не ходила, а потом всё равно забывала хлеб. Я тогда над ней посмеялась: мол, мало ли что ты на бумаге напишешь. А она сказала: «В этот раз не забуду».

Женщина убрала телефон так быстро, будто ей стало стыдно показывать чужие планы. Анна ещё видела на внутренней стороне века корявые буквы: «Не передумать».

Анна молчала.

— Про Максима спрашивайте, — сказала Валентина Павловна. — Всё равно спросите.

— Какие у них были отношения?

— Вначале хорошие. Он смешил её. Чинил мне кран, хотя я не просила. Потом что-то испортилось. Он мог вспылить, наговорить лишнего. Она тоже не молчала. Я не собираюсь делать из Лизы святую, понимаете? У неё был характер. Но она его боялась иногда. Вернее... — Мать потёрла висок. — Боялась, что он опять сорвётся. Не знаю, как объяснить.

— Они собирались расстаться?

— Лиза говорила, что так будет лучше. Он обещал измениться. Может, и менялся. Я за ним по пятам не ходила. — Женщина подняла глаза к четвёртому этажу. — Самое ужасное, что вчера я на неё рассердилась. Попросила приехать на выходных, она сказала: «Не могу, много дел». И я ответила: «У тебя всегда много дел». Вот и всё, что осталось от нашего последнего разговора.

Анна хотела возразить, что у них наверняка были и другие разговоры, но поняла, как это прозвучит. Она только спросила, с кем ещё дочь близко общалась, где работала, были ли в последнее время тревожные звонки. Валентина Павловна отвечала неровно, иногда начинала фразу заново. Про работу сказала, что Лиза занималась документами в небольшой торговой фирме. Про подругу — что есть Катя, «из техникума ещё». Про звонки не знала ничего.

Когда Анна поднялась, мать вдруг взяла её за рукав.

— Вы ведь будете спрашивать не только про Максима?

— Будем проверять всех, кто мог знать Лизу и быть у неё дома, — сказала Анна.

Анна добавила к списку проверок круг общения Елизаветы. Среди фамилий пока стояла только одна — Булков. Под ней оставалось много чистой бумаги.

* * *

В кабинете Соколова часы отставали на четыре минуты. Он знал об этом и не поправлял их: подарок отца, переживший два переезда и одну неудачную попытку ремонта. Молодые сотрудники иногда шутили, что у Виктора Андреевича даже время идёт осторожнее, чем у остальных.

К полудню на столе лежали первые протоколы, распечатки звонков и список людей, которых предстояло опросить. Анна вошла с блокнотом; Сафонов последовал за ней, держа папку так, будто она могла выскользнуть из рук.

Виктор предложил начать совещание с того, что известно, а не с того, что уже рассказывает город. Анна доложила о ссоре, услышанной соседкой, о последующем шуме и о том, что время смерти эксперт ещё не установил. Сафонов положил на стол сведения о Максиме Булкове: двадцать девять лет, механик, прежняя судимость за насилие, связь с погибшей. Его не было дома, и на работу он не вышел.

— Характер тяжёлый, — добавил Глеб, ссылаясь на мастера автосервиса.

Виктор не стал спорить с оценкой, но попросил заменить её конкретными поступками. Заодно велел записать, что последний год на работе Максим держался исправно. Указание прозвучало буднично; Анна видела, как Глеб аккуратно вносит обе строки на один лист.

Следующим распоряжением был розыск Булкова и проверка его маршрута после ссоры. Одновременно следовало собрать сведения о работе, друзьях и планах Елизаветы. Соколов не назвал подозреваемого убийцей и не пообещал, что вскоре кого-нибудь задержат.

— Когда человека не любят, о нём всегда находятся плохие истории, — сказал он под конец. — Некоторые правдивы. Но мы обязаны установить, относятся ли они к этой ночи.

Анна запомнила не столько слова, сколько движение Виктора: он перевернул лист с характеристикой Булкова чистой стороной вверх, прежде чем перейти к следующему поручению. Такому человеку было легко доверять.

* * *

К обеду у смерти Елизаветы Морозовой появилась собственная жизнь, никак не связанная с тем, что произошло в квартире.

В магазине возле автостанции продавщица отказалась брать у соседки деньги за хлеб: та «и так сегодня натерпелась», хотя соседка знала погибшую только по виду. В парикмахерской вспоминали, что Лиза недавно коротко подстриглась, и делали из этого вывод, будто она готовилась к разрыву. В районном чате кто-то поместил старую фотографию Максима со спортивного праздника. На снимке он смеялся, запрокинув голову. Подпись гласила: «Вот он, всегда был агрессивный».

Анна увидела эту фотографию в телефоне Сафонова и попросила убрать.

— Видела? — спросил он. — Люди уже всё решили.

— Люди не обязаны делать нашу работу.

— Но мешать могут.

Анна не ответила. Она сама мысленно уже несколько раз возвращалась к Максиму. Мужчина с судимостью. Ссоры. Хлопающая дверь. Исчезновение. Эти факты выстраивались в ряд даже без чьей-либо помощи, и от этого становилось неуютно.

В автосервисе пахло железной стружкой и горячим маслом. Начальник смены, Борис Аркадьевич, долго вытирал руки тряпкой, прежде чем ответить на вопрос.

— Максим сегодня не пришёл, — сказал он. — Я ему звонил. Ноль.

— Такое бывало?

— Раньше — бывало. Последние полгода нет. Он с утра всегда раньше меня. Мотор разобрал — пока не соберёт, домой не пойдёт. Денег лишних не тратит. Я его ругал, что в выходные тоже тут сидит.

— Почему?

Борис Аркадьевич посмотрел на Анну.

— Потому что дома, наверное, легче не было. Не моё дело. Он про личное не распространяется.

— А про будущее?

Мастер перестал тереть руки.

— Недели три назад сказал: «Хочу наконец заняться собой, Борис Аркадьевич. Не ей что-то доказывать, а себе». Я ещё подумал: впервые он о чём-то говорит без злости. Только не надо делать из него ангела. На прошлой неделе орал в телефон возле подъёмника. Я вышел — он сразу замолчал. Спросил, всё ли в порядке. Ответил: «Разберусь». И таким голосом, что я больше не полез.

— Вчера его видели после работы?

— Ушёл в шестом часу. Спросил, можно ли взять аванс. Я дал часть. Сказал, вернёт с зарплаты.

— Для чего деньги?

— Не говорил. А я не спрашивал. Он у меня не под следствием работал.

В конце разговора мастер вспомнил ещё одно:

— Вы только записывайте всё, ладно? Он тогда с парнем одним сцепился на работе, это правда. Но руку первым не поднял. Хотя когда его задели, еле оттащили. Я не защищаю. Просто не люблю, когда про человека рассказывают половину.

Анна вышла из мастерской, держа в блокноте имя ещё одного свидетеля. На воротах висела доска с фотографиями сотрудников. Максим стоял с краю, в грязном комбинезоне, щурился от солнца и не улыбался. Казалось, он в любой момент собирается выйти за рамку снимка.

В блокноте Анны рядом оказались две записи: «последние полгода без нарушений» и «на прошлой неделе кричал в телефон». Ей хотелось подчеркнуть вторую. Первую она оставила без пометки и только спустя минуту заметила это.

* * *

К вечеру дождь снова превратился в мелкую водяную пыль. У подъезда на Лесной сняли ограждение, но люди всё равно обходили место стороной, словно на асфальте осталась невидимая черта.

Анна вернулась туда за уточнением адреса подруги Елизаветы. В окне четвёртого этажа теперь было темно. На подоконнике соседней квартиры стоял маленький красный фонарь — игрушка, которую включали детям перед сном. Внизу кто-то поставил у подъезда три белые гвоздики. Цветы лежали прямо на мокром бетоне, без упаковки.

Валентина Павловна уехала с родственницей. Дворник наконец забрал свою метлу. Город постепенно возвращался к обычному вечеру: автобусам, ужину, голосам из открытых форточек. От этого Анне стало не легче, а тяжелее. Всякий раз, когда дело начиналось с такой потери, ей казалось несправедливым, что мир не задерживает дыхание хотя бы на сутки.

Телефон завибрировал. Сафонов.

— Анна, ты где?

— На Лесной. Что-то нашли?

— По Булкову есть движение. Заедь в отдел.

Он говорил быстрее обычного.

В комнате дежурной части пахло растворимым кофе и мокрыми куртками. На мониторе показывали зернистую запись с камеры круглосуточной заправки на выезде из города. Справа светился штамп времени. Мужчина в тёмной куртке прошёл по освещённому участку площадки, остановился возле фургона и, оглянувшись, сел на пассажирское сиденье. Лица почти не было видно.

— Не спеши, — сказал Виктор, стоявший рядом. — Откуда уверенность, что это он?

Сафонов открыл соседний кадр, уже с другой камеры, и положил на стол распечатанную фотографию Максима из кадровой анкеты автосервиса.

— Одежда совпадает. Рост, походка. Сотрудник заправки узнал его, сказал, часто заезжал вечером. И вот — камера у перекрёстка уже за городской чертой. Тот же фургон. Номера читаются.

— Водителя нашли?

— Пока нет. Машина зарегистрирована в соседней области. Запрос отправили.

Анна посмотрела на время в углу экрана: ноль часов сорок семь минут.

После полуночи. Через несколько часов после ссоры, о которой говорили соседи. Через несколько часов после того, как Елизавета в последний раз ответила кому-то на сообщение.

— Он мог уехать по работе, — сказала Анна, не будучи уверенной, зачем произнесла это вслух.

— Мог, — согласился Виктор. — Поэтому и проверим.

Он ещё раз посмотрел запись. Мужчина у фургона вдруг замедлил шаг и обернулся в сторону дороги, уходившей к центру Ольховска. Постоял так секунду или две. Потом повернулся к машине. Белый свет заправки выхватил его лицо — сжатый рот, тёмную щетину, глаза, которых зернистая запись почти не различала.

На этот раз Анна узнала его.

Сафонов остановил кадр. На экране Максим будто застыл между двумя решениями, хотя это был всего лишь сбой движения на плохой камере. Анна поймала себя на желании прочитать по неподвижному лицу то, чего изображение не могло рассказать.

— Доложите дежурным соседних районов, — сказал Соколов. — Без лишнего шума. И мать его найдите сегодня. Не по телефону.

Сафонов вышел выполнять поручение. Виктор остался у монитора. Он смотрел уже не на лицо Максима, а на чёрную полоску дороги за фургоном.

— Почему он не остался? — спросила Анна.

Соколов выключил видео.

— Вот первый вопрос, на который нам придётся получить ответ.

Позднее в сводке появится сухая строка: «Местонахождение Максима Сергеевича Булкова не установлено».

Но к концу этого дня в Ольховске уже повторяли другое: молодой человек, с которым накануне ссорилась погибшая Елизавета Морозова, ещё ночью покинул город.

Глава вторая. Тень прошлого

В пятницу Тамара Ивановна Булкова стояла у прилавка с сыром, а две женщины за её спиной внезапно перестали разговаривать. Продавщица молча протянула сдачу, хотя раньше всегда спрашивала о здоровье сына. Что именно обсуждали женщины, Тамара не слышала. Ей хватило того, как быстро они замолчали.

Анна узнала об этом не сразу. В семь утра она сидела в кабинете напротив Виктора Соколова и смотрела на фотографию, распечатанную с камеры заправки. Ночная картинка распадалась на серые квадратики. Если не знать, кого ищешь, мужчина возле фургона мог быть кем угодно.

Сафонов принёс первые сведения о водителе ночного фургона. Олег Рудаков, возивший запчасти из Неверовска, подобрал у заправки молчаливого пассажира и высадил на развилке, не доезжая до города. Имя пассажир не назвал. Рудаков не обращался в полицию: за рулём он почти не слушал новости и пока не знал, кого предположительно вёз.

— Значит, у нас есть отъезд после полуночи, — заметил Виктор. — Не то, где он был до заправки.

Сафонов уже собирался заговорить о ревности. Соколов поднял лист с отметкой времени, и Глеб замолчал. Анна почувствовала знакомую уверенность: рядом с Виктором версии не превращались в факты из-за чьей-то настойчивости.

Анна опустила глаза к блокноту. Соколов говорил без нажима, но его спокойствие заставляло собеседника тщательнее выбирать слова. Ей нравилось, что рядом с ним не приходилось оправдывать каждое сомнение. И всё-таки порой она замечала за собой странную привычку: прежде чем высказать мысль, мысленно проверять, одобрил бы её Виктор Андреевич.

На столе лежало личное дело Максима. Сафонов принёс его из архива ещё до открытия канцелярии. К обложке прилипла старая бумажная метка, на которой чужой рукой было написано: «Булков М. С., 2021».

— Давайте сначала посмотрим, каким он был, — сказал Виктор. — И не будем делать вид, будто это само по себе объяснит, каким он стал.

Перед тем как раскрыть дело, Соколов убрал со стола фотографию с заправки. Анна заметила движение: будто следователь не хотел, чтобы чужое ночное лицо лежало рядом со старой судебной папкой и само подсказывало им вывод.

— Мы ищем одного и того же человека, — сказал Сафонов, проследив за его рукой.

— Да, — ответил Виктор. — Но пока это две разные истории.

* * *

Первый снимок в деле был сделан пять лет назад. Максим выглядел моложе, почти подростком: короткая стрижка, неуверенно поднятый подбородок, ссадина на скуле. На следующем фото — место драки у бара «Янтарь»: мокрый тротуар, перевёрнутая пластиковая табуретка, пустые бутылки под навесом. В протоколе значилось, что после словесного конфликта Максим несколько раз ударил другого мужчину. Один из ударов пришёлся, когда тот уже упал.

Анна прочитала последнюю строку дважды. Она знала, как легко люди преувеличивают драку в разговорах, но здесь были заключение врача, фотографии травм и показания двух очевидцев. Потерпевшему, Алексею Мальцеву, долго восстанавливали челюсть. Суд назначил Булкову лишение свободы. Он отбыл срок и вернулся в Ольховск. На полях одного из документов чьей-то рукой было выведено «особо агрессивен». Анна провела по надписи ногтем: это была не формулировка эксперта, а чьё-то впечатление, пережившее дело на пять лет.

Из старого дела следовало: после драки Максим признал, что продолжил наносить удары, когда Мальцев уже упал. Не спорил даже с самым тяжёлым обстоятельством, подтверждённым очевидцами. Анна посмотрела на косую подпись под протоколом. Пять лет назад он не смог

остановить руку; это было установлено, и никакая новая характеристика не могла этого изменить.

— Признал то, что подтверждали свидетели, — напомнил Виктор, когда Глеб назвал это честностью.

Из конверта выпала пожелтевшая копия письма потерпевшему. Максим просил прощения, не ожидая ответа; на обороте стоял штамп почты: «От получения отказался».

Сафонов постучал пальцем по конверту.

— Написать письмо проще, чем остановиться, — сказал Сафонов.

Виктор вложил конверт обратно в дело. Ни извинение, ни отказ принять его не меняли обстоятельств старой драки. Анна подумала, что о нынешнем вечере Максим ещё вообще ничего не рассказал.

Анна подняла глаза на следователя. Она помнила, почему когда-то добивалась перевода в его группу. В областном управлении ей довелось видеть дело, где подозреваемого опознали по куртке, а потом обнаружилось, что такую же продавали в каждом втором магазине. Соколов тогда добился повторной проверки. Он не ругал сотрудников при всех, хотя мог. Просто вернул материалы с пометками и потребовал отделить то, что свидетель видел, от того, что ему потом рассказали.

Она часто вспоминала об этом, особенно когда приходилось спорить с людьми старше и опытнее себя.

Но теперь, глядя на снимок разбитого лица Мальцева, Анна думала о другом. Человек однажды продолжал бить лежащего. Это ничего не доказывало относительно Елизаветы, и всё же мысль прилипала к сознанию крепче любых оговорок. Анна поймала себя на том, что уже представляет не драку пятилетней давности, а квартиру на Лесной.

Соколов заметил, где задержался её взгляд.

— Я хочу, чтобы с Мальцевым поговорили повторно, — сказал он. — Узнайте, видел ли он Булкова после освобождения. Случались ли угрозы. Письмо тоже проверьте, а не только прочитайте.

— Думаете, прошлое может повториться? — спросила Анна.

— Думаю, оно уже повторяется в разговорах о нём, — ответил Виктор. — А что произошло на самом деле, мы пока выясняем.

Когда Анна закрыла папку, к большому снимку Мальцева прилип уголок письма с извинениями. Она осторожно разъединила бумагу. В старом деле нашлось место и для травмы, которую нельзя отменить, и для раскаяния, которому никто не обязан верить. Анна подумала, что, если Максима найдут, ей придётся смотреть ему в глаза, помня оба документа.

* * *

Тамара Ивановна Булкова жила на другом конце города, возле хлебозавода, в двухкомнатной квартире, где коридор всегда был заставлен обувью. На звонок она открыла сразу, будто стояла за дверью и считала шаги в подъезде.

— Он у меня не прячется, — сказала женщина прежде, чем Анна успела представиться.

Ей было около шестидесяти. На ней был домашний халат поверх шерстяной кофты; у воротника торчала нитка, которую она то и дело пыталась заправить под ткань. В кухне кипел чайник. На холодильнике висела выцветшая фотография Максима в школьной форме, а рядом — записка с крупным словом «лекарства».

Сафонов остался у порога, но Тамара Ивановна настояла, чтобы он тоже вошёл: не хотела говорить из кухни с людьми, стоявшими у входной двери. Анна села напротив неё, не притронувшись к предложенному чаю.

Тамара Ивановна говорила о последнем звонке сына неохотно. В среду, чуть после восьми, он спросил, как у неё дела; разговор вышел коротким. Она точно помнила, что стояла у телевизора, ждала передачу про огород и злилась на плохо работающий пульт. Тогда Максим

попросил не звонить Елизавете и пожаловался, что она не желает его слушать. Мать ответила: «Может, теперь тебе самому пора её послушать?» Он только оборвал разговор. Это не было спокойствием, но и привычного крика она не услышала.

Анна несколько раз уточнила последовательность: сначала звонок, потом новости, после — обычные домашние дела. Мать могла ошибаться в минутах, и они договорились сверить время по детализации, а не по передаче. Тамара Ивановна смотрела на часы, висевшие над кухонным шкафом, словно те могли подтвердить не время, а невиновность сына.

Сафонов спросил, пытался ли Максим у неё заночевать. Женщина покачала головой. На вопрос о знакомых за городом она назвала двух старых приятелей и тут же попросила не устраивать у них обыски: у одного маленький ребёнок, другой после операции.

— Мы пока только выясняем, где он может быть, — сказала Анна.

— Вы выясняете, куда ему бежать. Я понимаю разницу.

Анна не нашла, что ответить.

На холодильнике стояла маленькая жестяная машинка без одного колеса. Тамара Ивановна заметила её взгляд.

— Максим в детстве все игрушки разбирал. Хотел посмотреть, как сделано. А потом сидел и плакал, если обратно не выходило. — Она усмехнулась. — Я тогда думала, вырастет — поумнеет. Взрослый человек, а всё сначала ломает, потом чинит.

— Вам известно, поднимал ли он руку на Елизавету?

Тамара Ивановна не стала возмущаться.

— Мне неизвестно. Я их не караулила. Один раз Лиза пришла ко мне, руки дрожали. Сказала, он разбил её телефон. Я с Максимом разговаривала. Он кричал, что это случайно. А я сказала: случайно чай проливают. Телефоны в стену не случайно летят.

— Вы верили, что он изменился?

— Я хотела верить. Это не совсем одно и то же.

На секунду женщине захотелось сказать ещё что-то. Она отвернулась к окну, за которым по серому двору быстро шёл мальчишка с портфелем. Анна не стала торопить её. Пауза кончилась тем, что Тамара Ивановна аккуратно выровняла на столе край салфетки.

Женщина встала, выключила чайник и вдруг заговорила почти шёпотом:

— Вчера у магазина одна женщина спросила, что у Максима с Лизой. Сначала будто просто из сочувствия. Потом добавила: «Вы ведь знали, какой он». Я пришла домой и всё думала, о чём именно должна была знать. О драке? О телефоне, который он разбил? Или о чём-то, чего ещё не рассказали мне?

Анна попросила разрешения посмотреть комнату, в которой Максим иногда оставался. Там стоял сложенный диван и коробка со старыми учебниками. На подоконнике лежал запылённый набор ключей, перевязанный синей резинкой. Никаких собранных вещей, чужой одежды или следов недавнего ночлега не было.

— Если он позвонит, — сказала Анна на прощание, — попросите связаться с нами. Так будет лучше для него.

Тамара Ивановна придержала дверь.

— Вы можете ему не поверить. Я тоже не всегда верила. Но сначала дайте сказать.

* * *

На обратном пути Сафонов почти всю дорогу молчал. Только у железнодорожного переезда, где они остановились перед медленным грузовым составом, заговорил:

— Знаешь, что самое неприятное? Она ведь не сказала «он не мог». Обычно мать с порога кричит, что сын ангел.

— Она знает, что сын не ангел.

— Тогда тем более.

Анна смотрела, как по рельсам уходят вагоны с одинаковыми белыми цифрами. В разговоре Тамары Ивановны не было материнской слепоты — только привычка жить сразу с двумя несовместимыми мыслями: сын причинил людям боль; сын всё ещё оставался её сыном. Анна не знала, какая из этих мыслей делает показания женщины достовернее.

В отделе обнаружилось сообщение от областных коллег. Водителя фургона допросили по месту нахождения. Он подтвердил, что взял пассажира возле заправки за небольшую сумму. У развилки тот попросил остановиться, не объяснив куда направится дальше. Водитель не видел ни оружия, ни сумки; у мужчины был только телефон, который он несколько раз включал и сразу гасил экран. По словам водителя, пассажир часто оборачивался. В справке аккуратно стояло: «Причину поведения пояснить не смог». И ещё одна строка: «С чужих слов личность пассажира не устанавливалась».

Сафонов прочитал последнюю фразу вслух.

Когда они вернулись в машину, Глеб снова заговорил о беглеце: если он не причастен к смерти Лизы, зачем уходить из города тайком? Анна не стала защищать Максима. Она лишь напомнила, что страх, отъезд и сокрытие преступления не равны друг другу. Потом сама пожалела об осторожном тоне: слишком уж легко было строить версии, сидя в тёплой машине, когда мать подозреваемого оставалась в пустой кухне.

* * *

На служебном телефоне Анна увидела сообщение Сафонова: по данным, предоставленным Тамарой Ивановной, разговор с сыном начался в двадцать часов четырнадцать минут и длился меньше двух минут. Анна переписала время в отдельную графу. Значит, после первой ссоры Максим ещё находился в городе и был способен спокойно набрать мать. Но где он провёл следующие четыре часа — было неизвестно.

У Анны на столе лежало поручение повторно поговорить с работниками автосервиса. Вчера она уже видела начальника смены Бориса Аркадьевича и слышала его рассказ об авансе, рабочей дисциплине Максима и ссорах на работе. Сегодня следовало уточнить то, на что тогда не хватило времени.

В гараже стоял ровный металлический гул. За перегородкой кто-то ругался на сорванную резьбу. Борис Аркадьевич встретил Анну тяжёлым взглядом.

— Опять про него? Я вчера рассказал всё, что знаю.

— Не всё. Вы говорили, что Максим взял аванс. Он обычно просил деньги заранее?

— Последние месяцы — нет. — Мастер помолчал. — Раньше, когда только вышел, просил. Потом сам сказал: хватит жить от займа до займа.

— На что он собирал?

— Говорил, хочет снять отдельную квартиру. Не уверен, что именно на неё. — Борис Аркадьевич повернулся к молодому механику у подъёмника. — Дим, выключи на минуту.

Двигатель затих. Парень в замасленной толстовке вытер ладони о штаны и подошёл неохотно.

— Это Дмитрий. Максим его натаскивал на сложных работах. Спроси, чему учил.

— Чтоб гайки не срывал, — буркнул Дмитрий. — И чтобы не лез, когда не умею.

— А вне работы?

Парень посмотрел на начальника.

— Один раз я подрался возле остановки. Он узнал, сказал, что если повторю, сам меня из бокса выгонит. Я спросил, кто бы говорил. Он не разозлился. Сказал: «Я как раз знаю, о чём говорю».

Анна отметила эти слова, хотя прекрасно понимала: ни наставничество, ни работа не могли стать алиби на ночь убийства. Больше всего её беспокоило, как охотно она приняла историю Дмитрия. Ей хотелось, чтобы в материалах появился кто-то, кто изменился по-настоящему. Это желание тоже мешало смотреть на факты.

Борис Аркадьевич проводил её к шкафчику Максима. Внутри висела сменная куртка, лежали перчатки, старая расчёска и лист с графиком дежурств. На дверце был приклеен бумажный календарь. Несколько дат зачёркнуты, на одной обведено слово «расчёт».

— Он за свои ошибки платит, — сказал мастер. — Долги закрывал, матери помогал. А после ссор с Лизой приходил сюда и часами ковырялся в моторах, лишь бы не идти домой. Только однажды, месяца два назад, хлопнул шкафчиком так, что замок вылетел. Потом сам новый поставил. У нас теперь на шкафчике вмятина, а замок работает.

— В среду он ушёл в шестом часу?

— Да. Аванс забрал около пяти. И ещё... — Борис Аркадьевич задумался. — Он спросил, нельзя ли ему в пятницу уйти пораньше. Я сказал: обсудим в пятницу. Не спросил зачем. Теперь всё кажется важным. Если напишете, что он заранее собирался бежать, это будет уже не мой рассказ, а ваш.

Когда Анна вышла на улицу, Дмитрий догнал её у ворот.

Молодой работник мастерской спросил Анну, собирается ли она записывать о Максиме хоть что-нибудь хорошее. Он помнил, как Булков однажды бесплатно перебрал мотор чужого старого скутера; в тот же день Максим сорвался на клиента из-за неосторожной шутки. Парень не просил сделать из него героя. Ему хотелось, чтобы в материалах не потерялось, насколько разным мог быть один и тот же человек.

Анна взяла контакты обоих свидетелей. Старый поступок не оправдывал насилие. Но и зло, которое не укладывалось в простую характеристику, нельзя было вычеркнуть ради удобства обвинения.

* * *

Алексей Мальцев работал на складе мебельной фабрики. Когда Анна позвонила ему, он согласился встретиться не сразу. Попросил не приезжать к дому и не говорить с женой: она знала о старой драке достаточно и не хотела слышать фамилию Булкова снова.

Они разговаривали в пустой комнате для водителей. На стене висел календарь с летним морем, хотя за окном по промёрзшей грязи скользили грузовые тележки. Мальцев был крепким, невысоким, с едва заметной неправильностью нижней челюсти. Анна уловила её только тогда, когда он повернулся к свету.

— Я видел новости, — сказал он. — Вы хотите узнать, способен ли он убить?

— Я хочу узнать, что произошло между вами после его освобождения.

— Ничего. Слава богу.

— Письмо получали?

— Пытался прислать. Вернул. Мне от него ни признаний, ни извинений не нужно.

— Он угрожал вам позже?

— Нет. Даже не подходил.

Мальцев долго смотрел в окно, где двое рабочих спорили у погрузчика. Потом повернулся.

— Только не делайте из этого вывод, что я его простил. Мне челюсть дважды собирали. Я месяц суп через трубочку ел. А он, когда меня бил, не выглядел сумасшедшим. Выглядел злым. Разница есть.

— Из-за чего началась ссора?

— Я сказал ему неприятную вещь. Про девушку, с которой он тогда был. Грубую. В молодости язык длиннее ума. Он попросил повторить, я повторил. Потом получил. Я это в суде говорил. Не собираюсь сейчас исправляться задним числом.

— Значит, вы считаете, что и Елизавету он мог ударить?

— Я понятия не имею. — Мальцев повысил голос впервые. — Вы зачем меня об этом спрашиваете? Чтобы я сказал «да», а вы поставили галочку? Про Лизу я только слышал. Если она погибла, это ужасно. Но мои сломанные зубы не делают меня свидетелем её смерти.

Когда Мальцев замолчал, Анна увидела, как под столом он перебирает пальцами край пластиковой папки. Возможно, он делал это весь разговор. Ей стало неловко от мысли, как легко она привезла сюда чужой старый страх, чтобы проверить собственное предположение.

Анна выдержала паузу, записала ответ дословно и убрала ручку.

У двери Мальцев остановил её:

— Знаете, что меня больше всего бесит? После суда меня спрашивали, чем я его довёл. Будто если бы я правильно ответил, челюсть сразу срослась бы. Я сказал гадость. Он ударил. Потом ещё. Это всё, что я могу вам рассказать. А что он сделал пять лет спустя, я не знаю.

Снаружи Анна постояла у серого забора склада. Она записала рядом две несовместимые на первый взгляд фразы: «Сумел отпустить» — о недавнем конфликте в мастерской и «бил, когда я уже лежал» — о той драке. Между ними помещались пять лет жизни человека. Ни одна фраза не отменяла другую. И ни одна не отвечала на вопрос, что произошло в среду вечером.

* * *

По дороге в типографию Анна заметила, как одно и то же известие о Максиме меняет форму. Работник магазина говорил о старой драке, водитель маршрутки — об угрозах, которых сам не слышал, а в городском чате уже называли срок будущего приговора. Факты обрастали деталями быстрее, чем их успевали проверять. Анна решила запрашивать первоисточники даже тогда, когда пересказы казались согласованными.

Катю Серову Анна нашла в копировальном салоне на площади Победы. Та выключила музыку, перевернула табличку «Перерыв» и сначала показала фотографии из телефона: Елизавета в больших защитных очках, со склеенным бумажным корабликом на ладони, смеющаяся над плохо вышедшей выпечкой. Лиза бы рассердилась, если бы все эти снимки превратили в материалы о её смерти.

В среду днём она пришла распечатать заявление на курсы и расписание занятий. Хотела уехать к зиме. Катя видела, как подруга всё время откладывала решения, чтобы никого не обидеть: мать тревожилась из-за переезда, начальство не отпускало незаменимую сотрудницу, Максим требовал разговора.

— Он ведь не всегда был таким, — сказала Катя, когда Анна спросила о Максиме. — Ночью мог привезти лекарства через весь город. А потом десять раз позвонить и требовать, где она. Телефон разбил, новый купил. Как будто покупкой можно вернуть право на спокойствие.

Елизавета не рассказывала о побоях. На прямой вопрос Кати однажды ответила: «Не обязательно бить, чтобы рядом с человеком было страшно». Анна записала слова как воспоминание подруги, не выдавая их за непосредственное свидетельство насилия.

Катя не отрицала, что Максим в последние месяцы пытался измениться: удерживался на работе, перестал приходить без приглашения в типографию. Но Елизавета всё равно собиралась расстаться с ним. В среду вечером она хотела поговорить окончательно. Катя предложила отложить; Лиза сказала, что ещё одна отсрочка будет нечестной.

В нижнем ящике сохранилась прозрачная папка с распечатками подруги. На обороте заявления стояло: «Север — увольнение», возле даты занятий — «Не откладывать». Катя вспомнила, как написала Лизе вечером про тёплую куртку для будущей поездки. Ответа не пришло.

— Она ведь не только от Максима хотела уйти, — тихо сказала Катя. — Из города тоже. И с работы. Но я не знаю, с кем ещё она спорила в тот день.

Анна не стала спрашивать подругу, кто, по её мнению, убийца. Катя боялась Максима и при этом не желала, чтобы её словами подменяли доказательства. На выходе Анна увидела в стекле витрины отражение Кати среди чистых листов. Ей запомнились не только рассказы о страхе, но и то, как Елизавета выбирала собственное будущее.

* * *

Валентина Павловна позвонила сама. Просила сохранить голосовые сообщения дочери: раньше ей казалось, что всегда можно попросить записать ещё одно. Анна обещала уточнить порядок получения копий, не дав пустой гарантии.

Мать встретилась с ней у сестры, за старым стадионом. На коленях держала фотографию Елизаветы у реки и рассказала о Максиме без удобной последовательности «хороший — плохой». В первые месяцы он стеснялся брать добавку и мыл посуду без просьб. Позднее дочь стала смотреть на телефон раньше, чем отвечать самой матери, словно постоянно ждала нового требования объясниться.

Максим умел меняться на время. После серьёзного разговора становился мягче, сдерживал себя, и мать убеждала Лизу ещё немного подождать. Теперь Валентина Павловна говорила об этом как о собственной ошибке, хотя не знала, что можно было исправить иначе.

— Она сказала: «Я устала выбирать слова, чтобы никто не обиделся». Я думала, обо мне говорит. А может, обо всех.

Анна хотела узнать, считает ли женщина Максима способным убить. Валентина Павловна опередила вопрос:

— Если он виноват, не жалейте его из-за трудной жизни. А если нет — не делайте убийцей только потому, что я иногда его боялась. Лиза ведь была не только его девушкой.

На обратном пути Анна не включала радио. В тот день она разговаривала с матерями двух людей, связанных одной трагедией. Обе не оправдывали Максима. Но лишь одна ещё могла надеяться услышать голос своего ребёнка.

* * *

После обеда Виктор собрал сотрудников. Попросил назвать отдельно то, что установлено, и то, что лишь кажется вероятным. Сафонов уверенно перечислил старую судимость Максима, конфликты, отъезд, выключенный телефон. Анна возразила: не установлен точный момент смерти, не исследована одежда подозреваемого, никто не видел самого нападения, соседка путалась в хронологии шумов.

Соколов разложил два листа с надписями «УСТАНОВЛЕНО» и «ПОДЛЕЖИТ ПРОВЕРКЕ». Он уже делал так на другом деле, и Анна неожиданно почувствовала гордость за наставника. Когда Глеб предложил добавить в ориентировку «склонен к тяжким преступлениям», Виктор отказался: следовало указывать факты судимости и основания розыска, а не предсказывать новый поступок по прошлому.

Но затем попросил пока отложить расширенный опрос сотрудников «Севера»: первоочередным считал розыск Максима. Приказ звучал разумно. Анна не спорила, хотя впервые заметила, как легко выражение «проверим позже» становится окончанием разговора.

* * *

Нина Романовна Белова встретила Анну на лестничной площадке, будто тоже ждала её прихода. В руке соседка держала пакет с мусором, который почему-то не спешила выбрасывать.

— Вы вчера спрашивали про сериал, — сказала она. — Я посмотрела программу. Он в девять начинался. Но не ручаюсь, что грохот был ровно в девять. Я могла чай наливать, потом уже села смотреть.

— Ссорившиеся голоса вы слышали раньше?

— Раньше. Когда новости про мост были. Максим тогда, наверное, и ушёл.

— Почему вы говорите «Максим»? Вы же сами сказали, что голос не узнали.

Женщина нахмурилась, переставив пакет из одной руки в другую.

— Потому что все знают, как они жили. Он к ней ходил. Кто ещё мог на неё кричать?

— Вот это мы и пытаемся выяснить.

— Я не выдумываю, — обиделась Белова. — Дверь хлопнула, это я слышала. Потом было тихо. А позднее ударило что-то. Или упало. Меня эта тишина теперь мучает. Только не пишите, будто я видела, как Максим туда заходил. Этого я не видела.

Анна спросила, не видела ли соседка после десяти кого-нибудь на лестнице. Та покачала головой. Внизу хлопнула входная дверь, и Нина Романовна невольно вздрогнула.

— Может, надо было выйти, — сказала она. — Не вчера даже. Раньше. Когда они ругались.

— Вы не могли знать, что случится.

— Вот все мне так говорят. Только почему-то легче не становится.

На улице Анна остановилась у подъезда и достала схему двора. До проезжей части было сорок шагов. Напротив, через узкую улицу, находились булочная и аптека. У аптеки над входом висела камера, направленная на пешеходный переход; у булочной — ещё одна, под вывеской, частично закрытая пластиковым козырьком.

Вчера записи запросили у магазина на углу и у заправки, но камеры булочной в перечне не было. На первоначальной схеме её просто не отметили: с противоположной стороны улицы она казалась декоративным чёрным полушарием. Анна ощутила короткое раздражение на себя. В городе, где все знали чужие привычки, она пропустила вещь, которую могла увидеть собственными глазами.

Анна сфотографировала вывеску и набрала номер Сафонова.

— Ты сможешь узнать, кто хозяин «Тёплого хлеба» на Лесной? У них камера смотрит почти на двор Морозовой.

— Думаешь, там что-то осталось?

— Пока не посмотрим, не узнаем.

* * *

По пути в булочную Анна позвонила Сафонову ещё раз и попросила не говорить никому, что камера может показать. Она вспомнила, как за сутки город превратил фотографию улыбающегося Максима в доказательство жестокости. Для новой записи потребовалось бы совсем немного времени, чтобы превратиться в приговор.

Хозяйка булочной, Зоя Фёдоровна, сначала заявила, что камера показывает только вход и вряд ли пригодится. Затем выяснилось, что запись сохраняется на небольшой блок под кассой, а разбираться в нём умеет её племянник, который устанавливал оборудование. Племянник был на работе в другом конце города. Пока его ждали, Зоя Фёдоровна трижды предлагала чай и рассказывала, как Елизавета по утрам покупала у неё хлеб с семечками.

— Всегда говорила «спасибо», — повторяла она. — Даже если я сдачу по пять копеек собирала. Зачем вообще таким людям умирать?

Анна не нашла ответа и на этот вопрос.

К семи вечера племянник подключил к блоку старый монитор. У записи был неверно выставлен час: системное время заметно отставало. Сафонов отказался принимать цифры на экране как точное время события. Для предварительной сверки нашли в записи покупателя с ярко-красным зонтом: через несколько секунд после появления в кадре он вошёл в булочную и расплатился картой, а время операции сохранилось в терминале. Сопоставление давало приблизительную поправку, которую ещё предстояло подтвердить специалисту. Оригинальную запись решили не трогать, отмечая нужные фрагменты при просмотре.

Изображение оказалось лучше, чем Анна ожидала. В кадре помещалась часть тротуара, пешеходный переход и угол дома Елизаветы. Подъезд находился за краем обзора, но дорога к нему была видна. Люди пересекали кадр, не подозревая, что через два дня их походка станет предметом чужого внимательного изучения.

Первым нашли вечерний эпизод. Мужчина в тёмной куртке быстро вышел со стороны дома, остановился возле перехода и так сильно ударил ладонью по металлическому столбу, что движение осталось выразительным даже на немом видео. Потом пошёл к Промышленной улице. Анна вспомнила вмятину на шкафчике, о которой рассказывал мастер. Никакой связи между ними не было, кроме человека и его привычного способа справляться с гневом.

— Вот он, — сказал Сафонов.

Анна попросила остановить кадр. Черты лица были различимы достаточно, чтобы сопоставить их с фотографией Максима. На рукаве куртки светлела продолговатая заплата, которую она видела на снимке в автосервисе. Он двигался резко, с короткими остановками, будто всё ещё продолжал недавний спор. По предварительной сверке выходило около половины восьмого. Анна не стала записывать точную минуту.

— Если не ошиблись со временем, это после ссоры, — сказала Анна.

— Проверим синхронизацию, — ответил Сафонов. — Ищем дальше?

Они перематывали запись короткими отрезками. В восемь улица почти опустела. Проехала скорая без маячков, потом велосипедист, потом мужчина с собакой. В половине девятого в аптеке погасла половина вывески. Начался дождь; капли расплывались по тёмному краю кадра.

Зоя Фёдоровна задремала за прилавком. Племянник зевнул, прикрыв рот ладонью. Анна уже собиралась попросить посмотреть следующую запись, когда у самого края экрана появилась фигура в тёмной куртке.

Мужчина шёл со стороны Промышленной, не торопясь. У перехода он замер, пропуская пустой автобус. Потом поднял голову и посмотрел на окна дома напротив. Свет фонаря лёг на лицо. Анна выпрямилась.

— Назад на десять секунд.

Племянник послушно отмотал. Мужчина снова вышел из темноты, остановился, поднял голову. Светлая заплата на рукаве. Та же короткая походка, будто правая нога чуть быстрее левой. В этот раз Анна не стала спрашивать, кто перед ней.

— Время? — тихо сказал Сафонов.

Племянник снова сверил отметку с рассчитанной поправкой. Анна записала в блокнот осторожно, без секунд и знака равенства: «Примерно 22:10. Подтвердить по оригиналу и терминалу». Несколько минут погрешности не меняли главного: мужчина появился здесь заметно позже первой ссоры.

Мужчина пересёк дорогу и исчез в направлении подъезда Елизаветы Морозовой.

— Вернулся, — сказал Сафонов.

Сафонов произнёс это не торжествующе, а почти с облегчением. Наконец-то на месте домыслов возникло движение человека, время, направление. Анна узнала это облегчение и испугалась его больше, чем самого кадра: ей тоже хотелось, чтобы разрозненные подробности сложились в последовательность.

Никто ему не ответил. Анна помнила, как вчера соседка говорила о хлопнувшей двери после семи и более позднем неясном грохоте. Но один и тот же человек на двух кадрах ещё не означал, что она видела его входящим в квартиру. Слова «вернулся» и «вошёл» разделяло несколько шагов, которых камера не показывала.

Она позвонила Виктору. Тот ответил после первого гудка.

— Виктор Андреевич, мы нашли запись у булочной. Булков был возле дома дважды. Первый раз вышел после ссоры. Второй — пересёк улицу в сторону её подъезда, уже поздно вечером.

— Лицо различимо?

— Похоже, да. Но исходник и время нужно проверить официально. Самого входа в подъезд не видно.

На том конце коротко заскрипел стул.

— Ничего не интерпретируйте до сохранения оригинала, — сказал Соколов. — Попросите специалиста выехать. Я буду в отделе.

Анна отключила телефон и снова посмотрела на экран. Пустой переход. Закрытая аптека. Дождь в свете фонаря. При желании этот кусочек улицы можно было принять за вид из любого

окна Ольховска. Но она уже знала, как легко обычное место превращается в последнюю точку на чьей-то карте.

До этого вечера у них были ссора, побег и сотня рассказов о том, каким человеком был Максим Булков. Теперь была запись, требовавшая объяснения от самого Максима. Что он делал дальше, камера не знала. А сам он по-прежнему молчал.

В половине восьмого он ушёл от её дома.

Около десяти вернулся.

Именно второй приход теперь требовал ответа прежде всех остальных вопросов.

Глава третья. Беглец

Ночью Максим просыпался от звуков, которых не было. Иногда слышал щелчок замка, иногда — собственный шаг на лестничной площадке чужого дома. Лицо Елизаветы он старался не вспоминать. Стоило вспомнить его, и сразу возникал вопрос, на который он не мог ответить даже самому себе: отчего он тогда вышел, а не остался?

В чужой квартире Максим Булков прежде всего запомнил звук холодильника. Тот включался через каждые несколько минут, гудел, словно пытался сдвинуться с места, потом щёлкал и замолкал. После щелчка становилось слышно, как во дворе проезжают машины. Если одна из них останавливалась, Максим переставал дышать.

Вечером пятницы он сидел на кухне у Ильи Кротова, в Неверовске, в старом доме возле железнодорожных мастерских. На столе остывали макароны. Тарелку Максим не тронул, хотя с утра ел только сухую булку с привокзального ларька. В кармане лежал выключенный телефон, и Максим так и не решился включить его: боялся обнаружить не столько полицию, сколько сообщение от матери, которая ничего ещё не знала. Он то и дело проверял его через ткань, как проверяют рану под повязкой.

Илья ушёл на смену и обещал вернуться к девяти. Ему было тридцать; они знали друг друга ещё по двору в Ольховске. Когда в ночь со среды на четверг Максим постучал в его дверь, Илья посмотрел на мокрые ботинки, на пустые руки и спросил только:

В ночь со среды на четверг Илья открыл Максиму дверь почти не просыпаясь. Увидев лицо друга, не стал расспрашивать, только спросил, насколько тот приехал. Максим ответил: до утра. В пятницу вечером оба уже понимали, что это обещание не исполнено.

Из окна кухни виднелся кусок двора: песочница, две голые берёзы, контейнерная площадка. Молодая женщина несла пакеты и разговаривала по телефону. Она дошла до подъезда, улыбнулась кому-то в трубку и исчезла. Максим долго смотрел на закрывшуюся за ней дверь. Ему казалось невероятным, что где-то ещё можно просто покупать продукты, говорить о погоде и не выбирать каждое слово перед тем, как произнести его вслух.

Около девяти на лестнице послышались шаги. Максим встал так резко, что ножка стула ударила о батарею. Шаги прошли выше. Он сел, подождал, пока вернётся дыхание, и машинально сжал в кармане выключенный телефон.

Днём он ненадолго включил телефон и успел увидеть пропущенные вызовы — от матери, от Бориса Аркадьевича, от незнакомого номера. Последнее сообщение матери было коротким: «Максим, ответь. Мне страшно». Он выключил аппарат, так и не написав ответа. Теперь даже взгляд на него вызывал желание спрятать руки.

Он знал, что мать не поверит первому встречному, назвавшему его убийцей. Но она знала и то, на что он бывал способен. Поэтому больше всего на свете ему хотелось услышать её голос — и больше всего он боялся этого разговора.

Снова хлопнула подъездная дверь. На этот раз шаги остановились у квартиры.

— Макс, это я, — сказал Илья за дверью. — Открой. Руки заняты.

Максим повернул замок и увидел два пакета с едой. За спиной Ильи на площадке никого не было.

Илья принёс из магазина хлеб и молоко. Увидел нетронутую еду и спросил, спал ли Максим хоть несколько часов. Вместо ответа тот взял пакет, будто рассчитывал найти в нём указание, что делать дальше.

Илья придержал пакет за ручки, не давая сразу унести еду на кухню.

— Только сначала скажи: ты хоть понимаешь, почему тебя ищут?

Максим посмотрел не на друга, а на бумажную наклейку супермаркета, прилипшую к пакету. Там стояло сегодняшнее число. Пятница. Он не помнил, когда в последний раз день недели имел для него значение.

— Знаю, что Лизы больше нет.

— Это я тоже знаю, — сказал Илья. — Весь Неверовск уже знает.

Он отпустил пакеты и вошёл в квартиру. Дверь за ним закрылась с тем самым глухим звуком, который Максим слышал последние две ночи — даже когда не спал.

* * *

В среду вечером Елизавета сказала ему, что не хочет больше начинать один и тот же разговор.

Они стояли на кухне её квартиры. За окном рано стемнело, по стеклу ползли редкие капли дождя. На плите стоял чайник. Максим помнил, как Лиза выключила его, даже не дождавшись кипения, и убрала две чашки обратно в шкаф.

— Мы ведь договорились, — сказал он. — Я тебя не дёргаю, никуда не прихожу без спроса. У меня работа, всё нормально.

— У тебя — нормально. А мне всё равно приходится думать, как ты отреагируешь.

— На что?

— На любое моё решение.

Под воротником стало жарко. В такие минуты Максим обычно начинал говорить быстрее, будто мог заглушить ответ. После освобождения он ходил на занятия, где учили распознавать собственную злость, и тогда это казалось ему почти смешным. Вспоминать простые правила было легко. Остановиться посреди настоящей ссоры — совсем другое дело.

— Я же не запрещаю тебе ехать на эти курсы.

— Не запрещаешь, — согласилась Лиза. — Просто спрашиваешь каждый вечер, зачем мне это нужно. И кто меня там ждёт. И почему нельзя остаться здесь, если у нас всё получится.

— А у нас не получится?

Она отвернулась к раковине. На краю стояла губка, выжатая в тонкую мокрую полоску. Максим вдруг подумал, что раньше знал, какой стороной она кладёт губку после мытья посуды, а теперь не знал, что она ответит на самый простой вопрос.

— Я устала, Макс. Я не хочу жить надеждой, что завтра мы опять станем такими, как когда-то.

Он хотел напомнить ей про декабрьский вечер, когда они вместе чинили кран у её матери и потом долго пили чай. Но при чём здесь был тот вечер? Он так и не нашёл, куда вставить его в разговор.

— Ты кого-то встретила? — спросил он.

Лиза долго смотрела на него.

— Вот поэтому и не получается.

— Я просто спросил.

— Нет. Ты сейчас ищешь причину, с которой тебе будет легче злиться. Если я скажу, что никого нет, ты спросишь, зачем тогда ухожу. Если скажу, что есть, ты решишь, что всё из-за него.

— Значит, есть?

Она прикрыла глаза. Максим понял, что снова сделал именно то, о чём она говорила, и на мгновение стало стыдно. Этого мгновения оказалось недостаточно, чтобы замолчать.

— Я уволюсь, — сказала Лиза. — До конца месяца разберусь с бумагами. Потом уеду. Я тебя предупреждаю сейчас, чтобы это не выглядело побегом.

— Из «Севера» тоже уйдёшь?

— Я сказала: уволюсь. С работы, Макс. Не начинай.

Ему показалось, что она прячет от него что-то важное. Хотя он уже не понимал, что именно рассчитывает услышать.

— А твой начальник уже знает? Ты ему раньше меня сказала?

— Не надо.

— Я спрашиваю: знает?

— Уходи, пожалуйста.

Максим сжал спинку стула. Захотелось ударить по столу, по стене, по чему угодно, лишь бы не стоять перед ней беспомощно. Он отодвинул стул; ножки резко скрипнули по линолеуму.

Лиза не вздрогнула. Это было хуже. Она стояла неподвижно, словно уже знала все движения, которые он сделает дальше.

— Я уйду, — сказал он. — Только не надо делать вид, будто я один всё испортил.

— Я и не делаю.

Он ждал, что она наконец закричит. Тогда и он мог бы ответить криком. Но Лиза говорила тихо, и вся его злость оставалась при нём.

В коридоре он надел куртку, не попав рукой в рукав с первого раза. На пороге обернулся:

— Ты хоть когда-нибудь верила, что я могу измениться?

Лиза смотрела на него из кухни.

— Верила. Просто больше не хочу проверять это на себе.

Максим вышел. Внизу ударил ладонью по холодному металлическому столбу, вскинул голову и оглянулся на четвёртый этаж. В одном окне горел свет. Он не знал, смотрит ли она на него. После ссоры позвонил матери: сказал, что они опять разошлись, и попросил не тревожить Лизу. Мать что-то ответила, но Максим положил трубку, не дослушав. Потом долго шёл в сторону Промышленной, ощущая, как немеет ушибленная ладонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.